

Блюз на перекрестке

Вот уж действительно загадка для музыковедов и психологов. У этой группы нет ни одной пластинки. Концерты, а тем более гастролы — от случая к случаю. И поют на непонятном языке, и музыка, уходящая корнями в традиционный блюз, — вроде бы чуждая русской душе. А ведь как любят. В Москве даже существует нечто вроде фанклуба группы. И по мнению многих музыкантов и меломанов, команда постепенно входит в разряд культовых.

Наверное, самое нормальное объяснение этому дал Владимир Шахрин из «Чайфа». Когда года два назад его спросили о том, какие группы ему нравятся, он ответил: «Кроссрудз» из Москвы — они нетрадиционны» — «Но как же, — возразили ему, — ведь они играют такую традиционную музыку» — «Именно поэтому и нетрадиционны, поэтому и нравятся».

Однако наш разговор с лидером «Кроссрудз» Сергеем Вороновым мы начали совсем с другого:

— Многие твои поклонники, узнав о предстоящем интервью, просили меня в первую очередь спросить о твоём знакомстве с Кейтом Ричардсом. Настолько легендарная история, поросшая такими многочисленными слухами, что лучше уж сразу все расставить по местам.

— Ещё когда я работал с группой Стаса Намина, на гастролях в Японии познакомился с замечательным барабанщиком Стивом Джорданом. Во время очередной поездки в Америку мы с ним созвонились, встретились. Как выяснилось, Стив в это время записывал с Ричардсом его сольную пластинку «Talk is Cheap». Это он мне сообщил в машине по дороге «куда-нибудь» выпить. Этим «что-то» оказался дом Кейта. Можешь представить, каким шоком это было для меня — я ехал к человеку, которого любил любовью сильнейшей и который для меня вообще первый рок-музыкант, так сказать, воплощение рок-н-ролла.

Однако все оказалось намного проще. Оказывается, Кеша (Кейт Ричардс. — О. С.) накануне вместе со Стивом смотрел запись того самого концерта в Японии. Поэтому мое лицо Ричардс сразу узнал: «А, это тот самый русский, которого мы на кассете смотрели!»

Мы со Стивом поспали как раз к обеду. И люди, бывшие в гостях у Кейта, и его жена тоже смотрели кассету.

Пообедали, выпили, поболтали и стали собираться на студию. Там проточали всю ночь. Приходили какие-то люди, курились косяки. Кеша человек очень веселый, всех заводил.

Потом достали акустические гитары, стали играть блюз. И тут Кейт на меня большее внимание обратил. Удивился, откуда в России умеют блюз играть. И даже пошутил — вот, мол, новый конкурент у меня появился.

Так мы провели на студии две ночи. На третью мы поехали туда вместе со Стасом (Наминым, — О. С.). Когда за-

У Кейта Ричардса есть конкурент в России. Группа «Кроссрудз» постепенно входит в разряд культовых

шли в студию, Кеша меня встретил, как старого знакомого. Обнялись, потом Кеша заводил меня за пульт и показывает на какой-то чехол — это, говорит, тебе подарок. Выяснилось, «Стратокастер» 59 года, гитара, о которой можно мечтать. У меня начался веселый шок, смешинки. А тут как раз Стив говорит — чего, мол, без дела сидите, здесь в двух вещах нужно помочь. Вот так получилось, что я тоже приложил руку к записи пластинки Ричардса.

— Ты сказал, что Кейт Ричардс для тебя музыкант номер один. Однако то, что ты играл у Стаса Намина, было, мягко говоря, не очень близко к ритм-н-блюзу.

— Дело в том, что я всегда хотел путешествовать. Это была моя главная мечта. Поэтому я и согласился работать со Стасом. Хотя музыка, которую я там играл, была не моей. Стас это прекрасно понимал, поэтому, когда представилась возможность, сам предложил мне создать свою команду.

— И тогда появилась группа «Кроссрудз»?

— Нет, это было несколько позже. А тогда мой старый друг Коля Арутюнов, будучи без группы, как-то зашел ко мне. Мы с ним уговорили бутылку «Сибирской» и решили вместе использовать возможность, предоставленную Стасом. Так появилась новая команда, для которой было реанимировано название «Лига блюза». Мы проиграли до конца 88-го, съездив в Швецию, Колумбию, Перу, и разошлись. И тогда я оказался на «вольных хлебах». Помогал Гарику Сукачеву в записи пластинки «Нон-сенс». Гастроллировал с «СВ». И параллельно, конечно же, делал какие-то песни. Когда скопился материал, в начале 90-го я записал пять вещей и стал искать людей. И я нашел «братьев по оружию»: прекрасного бас-гитариста Андрея Будужева, классного молодого барабанщика Сашу Торопкина. Затем к нам присоединился «старый блюзовый волк» Михаил Савкин. И уже 30 апреля — 1 мая мы дали свои первые концерты в ДК «Серп и Молот».

— Сергей, а ты не удивляешься, что, несмотря на то, что вы поете на пока еще мало кому понятном у нас языке, ваша группа настолько любима?

— Я думаю, нас уже все простили. Ведь мы не из тех групп, которые всю жизнь пели на русском, а в послед-

ние два года старательно учили английский в надежде вырваться за бугор. Да в конце концов не в этом дело. Ведь я, когда начинал слушать музыку, тоже не понимал, о чем там поют. Но вот Фрэнк Заплу, Хендрикса, «Крим» послушал и понял — это мое. А «Бони М» всегда ненавидел. Тут дело не в языке, а в энергетике, пой ты хоть на китайском. И, думаю, наши поклонники это чувствуют. Тем более для нашей музыки английский — самый оптимальный. Кстати, когда только приехал в Союз — а я очень долго жил в несуществующей ныне стране ГДР, — то долго не мог понять и принять, что рок можно петь на русском.

— А сейчас?

— Даже сам пытаюсь что-то писать на русском. Но пока плохо получается. Так что в написании русскоязычных песен помогают мои друзья.

— А какие-нибудь русскоязычные группы нравятся?

— Те, у которых есть стиль. — А как ты относишься к питерскому року?

— Сложно сказать. Рок-ролл уже сам по себе социальное явление, а питерские команды (во всяком случае раньше) дополнительно впрыскивали некую социальность в свои песни и делали на этом упор: все эти «я иду», «мы победим» и т. д. Я ни в коем случае не осуждаю, но это не мое.

Пожалуй, единственным рок-н-рольным человеком в Питере был Майк Науменко. Я все время жалел, что так и не успел с ним познакомиться.

— Рок сегодня — дело заведомо неприбыльное. Как вы решаете для себя эту проблему?

— Грех жаловаться на финансовые трудности, они у всех есть. Но ради материального благополучия никогда не стал бы петь песни типа «Мама, давай, баксы доставай» (прости, Саня).

— И когда же у вас наконец-то появится пластинка?

— Она могла бы появиться еще года два назад. Но дело в том, что наша фонограмма сейчас во Франции. Компакт-диск и пластинка должны, по словам нашего французского менеджера, попасть на парижский прилавок в начале октября. Что касается появления пластинки в России, то вопрос сейчас утрясается. Материал есть уже и на вторую пластинку, выпуском которой займется та же фирма грамзаписи «TREMA».